

В «Артек» пришло время перемен, а вместе с ним и очевидная необходимость переосмысления роли «Артека» в жизни государства, отдельных людей, а то и целых поколений.

Всё чаще говорят об отсроченных результатах нашей работы как в отношении детей, так в отношении взрослых, побывавших здесь в разное время. Это справедливое требование сегодняшнего дня, нам действительно необходимо иметь информацию о дальнейшем профессиональном становлении вожатых после «Артека», о культурном контексте и их системе ценностей «послеартековской» жизни.

Я искала ответ на вопрос: «Что происходит с вожатым дальше?» и вспомнила о вожате Мише Рассадине, который работал в «Кипарисном», стал журналистом, потом у него не выдержало сердце, и он умер. Не знаю, удалось ли ему опубликовать своё эссе в большой печати, поэтому предлагаю прочитать его читателям нашего журнала.

Скала «Лягушка»

Чечня, Веденский район, 2003 г.

На капитана Красносельского было жалко смотреть. Рутинная зачистка обернулась сначала подрывом сразу двух бронетранспортеров, потом неудачным штурмом села, а затем серьезной войсковой операцией. За холмами выло и грохотало, туда время от времени пылили танковые колонны, а обратно все чаще и чаще выскакивали грузовики с ранеными. Капитан должен был быть там – его рота осталась на совсем еще «зеленого» лейтенанта Филатова. Но после того как вчера оператора чешских телевизионщиков привезли с зачистки с простреленной головой, комбат произнес короткую, но очень экспрессивную речь, из которой следовало, что всех находившихся в части журналистов необходимо немедленно доставить туда, откуда они приехали. То есть штаб группировки федеральных войск. В Ханкалу. Ответственным за нашу эвакуацию назначили именно Красносельского. Мест в вертолетах уже второй день не было – все забивали ранеными. И поэтому я вместе со всеми остальными журналистами с самого утра в полной боевой готовности сидел под навесом у медсанбата. Капитан не спускал с нас глаз, постоянно что-то шепча. Судя по выражению лица – ругался последними словами.

- Сейчас сразу две «вертушки» подойдут! – замахал рукой от фургона радистов сержант-контрактник Кулемин.

Заметно повеселевший капитан подскочил к нам.

- Живо, живо, давайте собираемся! Сейчас будет место! Смотрите, ничего не забыли? Давай сюда! – выхватил он кофр у Леночки с телеканала «Россия».

Пригибаясь от сбивающих с ног потоков воздуха, мы побежали к севшему в туче пыли вертолету. Капитан с помощью двух срочников помог нам загрузиться и даже, расчувствовавшись, помахал на прощание своим камуфляжным кепи.

И тут прямо на вертолетную площадку вырулил густо покрытый пылью БТР.

- Раненых, тяжелых, в Ханкалу, срочно! – проорал офицер-медик подскочившему к нему Красносельскому.

Места в салоне было мало, так что носилки ставили прямо нам на колени.

Медик сунул мне руку лежавшего на носилках парня:

- Боец в сознании, «уплывать» ему нельзя! Держи его за руку, тормози, говори с ним, пусть он тебе отвечает! Помни: сознания ему терять нельзя – не вытащат его потом, - и спрыгнул с вертолетной подножки.

В полной растерянности я схватился за горячую, покрытую слоем грязи и крови руку парня и начал орать ему прямо в ухо:

- Боец, слышишь, ты давай, держись! Сейчас быстро долетим... Ты срочник? Ну да, срочник... Так что сейчас тебя подлатают – и будет тебе дембель! Домой поедешь – все девчонки твои будут... Тебя звать –то как?

- Сер...Серега, - чуть слышно пробормотал он.

- Давай, Серег, держись! Пехота не сдается! Серега! Серега!!!! – я начал дергать его за руку. - Ты давай меня не пугай, открой глаза-то! Так.... Так... Молодец, Серега! Тебе нельзя сейчас уходить, подожди еще немного, сейчас прилетим уже! Ты давай молодцом себя веди, у тебя еще вся жизнь впереди, - я уже не знал, как растормошить обмякающего бойца и говорил первое, что приходит в голову. – Ты еще столько повидать должен! Ты на море был? Знаешь, как там красиво? Я в «Артеке» в Крыму работал, знаешь, какое там место сказочное? Серега, держись, тебе надо будет в Крым съездить. Утром море тихое, в него прыгаешь, плывешь, а вокруг такая красота дух захватывает!

-...Гушка...Лягушка... - еле ощутимо сжал мне руку раненый.

- Чего? Какая лягушка?

- Скала Лягушка... В «Артеке»...Я там был..

- Ты?! В «Артеке»?! В каком году? В каком лагере?

- В «Кипариске»... В девяносто девятом...

- Да ну! Вот это да!!!! А я в «Кипарисном» в девяносто шестом вожатым работал! Ты на какой даче жил?

- У входа которая, – ладонь парня стала гораздо тверже, и он уже перестал так страшно закатывать глаза. Я почувствовал, что эта тема что-то будит в нем, не дает ему окончательно уйти в мрак, и начал говорить быстрее и громче:

- Слушай, ты должен вернуться туда обратно! Зайдешь в гости директору – Альбине Галимовне. Она любит, когда ее «кипарисники» бывшие навещают. Я сам к ней в гости собираюсь! А тебе там понравилось?

- Да...Очень...

И тут Серега заплакал.

Мне было до жути страшно. Среди этих величественных гор у меня прямо на руках умирал совсем еще молодой парень в рваной форме. И поэтому я не останавливаясь кричал ему в ухо, стараясь перебить вой винтов. Я расспрашивал Серегу о том, что он помнит об «Артеке», рассказывал Сереге о строгой, но справедливой директоре «Кипарисного», о проделках

детей, об артековских чудо-лесенках, об экскурсиях в Гурзуф и Севастополь, о столовой, о Туполеве и о скале Дженеветке.... Я вспоминал удивительное артековское братство, слезы отряда в конце смены и щемящее чувство причастности к чуду, которое не оставляет тебя в этом сказочном месте. Я как будто снова оказался там, на кипарисовых аллеях над морем. Сергей плакал и иногда сжимал мою руку. Но я чувствовал, что он внимательно слушает. Иногда он даже пытался отвечать. Он уже передумал умирать. Я даже не заметил, как мы сели.

- Боец живой? Молодец! – хлопнул меня по плечу здоровенный санитар.

- Прыгнуть...- прошептал Серега.

- Куда? Откуда прыгнуть? Что, Серега?

- С Лягушки хотелось прыгнуть...А нельзя, не пускали...Жалко...

Усталые солдаты-срочники подхватили носилки и вынесли их наружу. А я не мог встать. Меня трясло.

...Моя командировка в Чечню заканчивалась, и Серегу я больше так и не увидел. Но я верю, что он выжил. Выжил и приехал в «Кипарисный». И прыгнул в море со скалы Лягушка.

Михаил Рассадин, вожатый